

- ³¹ КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 502–508.
- ³² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 42. Д. 24. Л. 60.
- ³³ ГАСО. Ф. 183. Оп. 11. Д. 78. Л. 10; Свердловская область в цифрах, 1966–1970 гг. Свердловск, 1971. С. 113; Свердловская область в цифрах, 1976–1980 гг. Свердловск, 1981. С. 164.
- ³⁴ Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 1897. Оп. 14. Д. 18. Л. 36; Оп. 20. Д. 18. Л. 58, 59.
- ³⁵ Совершенствование коммунистического воспитания студентов: Рекомендации областной научно-практической конференции. Свердловск, 1977. С. 6.
- ³⁶ ЦДООСО. Ф. 413. Оп. 3. Д. 163. Л. 95.
- ³⁷ Архив УрО РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111. Л. 240.
- ³⁸ Семков Б.Ф. О работе философских семинаров в научных учреждениях Сибири и Урала // Вопросы философии. 1969. № 6. С. 150.
- ³⁹ ЦДООСО. Ф. 1898. Оп. 14. Д. 43. Л. 13.
- ⁴⁰ Горняк. 1970. 2 марта.
- ⁴¹ Архив УрО РАН: Справочник. Материалы о деятельности УНЦ АН СССР за 1971–1982 гг. С. 2; Лебедев В.Э. Опыт развития и использования научного потенциала Урала. С. 25.
- ⁴² Смена. 1981. 23 апр.; Политехнические кадры, 1986. 29 янв.; За индустриальные кадры. 1987. 23 апр.

МЕЛЬНИКОВА Н.В. (Екатеринбург)

Становление ядерно-оружейного комплекса Урала: опыт управления в условиях мобилизационной экономики

Процесс создания в СССР собственного ядерного оружия – удивительная страница в истории страны. В крайне сложных условиях преодоления последствий Второй мировой войны и необходимости восстановления народного хозяйства, в условиях отставания от достижений и научно-технических разработок США в области производства атомного оружия Проблема № 1 была решена в максимально короткие сроки. Это уникальный опыт реализации крупномасштабного государственного проекта.

Важная роль в формировании отечественного ядерно-оружейного комплекса принадлежит Уральскому региону. В период с 1945 по 1958 гг. на Урале появляются пять секретных объектов, пять закрытых городов, в которых разместилась необходимая производственная и научно-исследовательская инфраструктура: ПО «Маяк» (г. Озерск), Уральский электрохимический комбинат (г. Новоуральск), комбинат «Электрохимприбор» (г. Лесной), Приборостроительный завод (г. Трехгорный), Всероссийский НИИ технической физики (г. Снежинск)¹

Изначально перед коллективами ядерных комбинатов стояла труднейшая задача – за 18 месяцев построить производственные мощности для получения плутония и урана. Эта задача была решена в рамках эко-

номики мобилизационного типа. Академики В.В. Алексеев и Б.В. Литвинов справедливо рассматривают феномен мобилизационной экономики как стратегию выживания и сохранения национальной независимости в условиях ядерного противостояния двух держав (в широком смысле) и как серию конкретных мероприятий экономического и социально-политического характера (в узком смысле)².

Создаваемая отрасль имела определённые характерные черты, прежде всего, специализированную производственную базу, иными словами, комплекс предприятий, способных, независимо от уровня технико-экономического развития соответствующих отраслей промышленности, производить предметы вооружения и боевой техники на уровне мировых стандартов. На предприятия атомной отрасли распространялось приоритетное бюджетное финансирование (причём акцент делался на высокие технологии и характеристики оборудования в большей степени, чем на расходы). Совет Министров СССР специальными постановлениями обеспечивал первоочередное снабжение секретных объектов. Например, постановление Совета Министров СССР от 4 января 1956 г. № 5-Зсс. обязывало министерства и ведомства в отношении предприятий атомной индустрии «производить изготовление, поставку и перевозку материально-технических ресурсов [...] вне всякой очереди и независимо от общего уровня выполнения планов производства, поставки и отгрузки для других потребителей и нужд народного хозяйства»³

Действительно, секретные заводы и города имели определённые льготы и преимущества в различных сферах, но одновременно к ним предъявлялись жёсткие требования в отношении режима секретности и качества продукции. В управлении экономикой и социальными процессами атомной промышленности применялись методы военного времени. При комплектовании кадрового состава действовал принцип обязательной трудовой повинности: вербовка на работу в секретной зоне предполагала обязательное согласие, в случае отказа могли быть приняты определённые меры, например, изымали паспорт, угрожали исключением из партии или ВЛКСМ. Приказ Первого Главного Управления № 0355 от 26 ноября 1946 г. «Об установлении номенклатуры начальника ПГУ при Совмине СССР» предусматривал массовую мобилизацию кадров для основных объектов атомных производств. Наиболее квалифицированные работники отбирались в химической, металлургической, машиностроительной и других отраслях промышленности через партийные органы (в том числе Свердловской, Челябинской, Московской, Ленинградской, Куйбышевской и иных областей) совместно с ПГУ.

На работников предприятий атомной промышленности распространялись Постановление СНК СССР № 1502 от 21 августа 1940 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г.⁴, которые по-

звояли увеличить количество рабочего времени, повысить производительность труда и укрепить дисциплину. В течение рабочего дня практиковались проверки наличия рабочих и служащих на рабочих местах. Каждый работник имел табельный номер, по которому отслеживалось его присутствие. Самовольно оставившие предприятие официально именовались дезертирами и подлежали уголовной ответственности. Наиболее жесткой система санкций была в первые 5-6 лет существования секретных производств, особенно комбинатов «Маяк», УЭХК и ЭХП. В случае невыхода или опоздания на работу отдел кадров был обязан оформлять дела в суд в течение 12 часов. При этом задержка в оформлении дел рассматривалась как укрывательство, виновные привлекались к уголовной ответственности⁵ Основной мерой наказания за прогул или опоздание являлись исправительно-трудовые работы или тюремное заключение (от нескольких месяцев до нескольких лет) в случае повторного нарушения.

Работа в условиях мобилизационной экономики вела к тому, что на начальных этапах строительство и разработка технологических схем и оборудования проходили параллельно, что зачастую порождало коррекцию производственных оперативных задач. Частые изменения претерпевали производственные планы секретных предприятий. Например, только за 9 месяцев 1958 г. план комбината «Электрохимприбор» изменялся 6 раз⁶ Постоянно форсируемые темпы выпуска продукции, сопровождаемые срывами из-за технологических сложностей, срочные заказы, не обеспеченные ресурсами и документацией создавали неритмичный и исключительно напряженный график работы. Так, работники ПО «Маяк» в конце 1940-х гг. начинали рабочий день в 9 часов и работали (с небольшим перерывом на обед) до 18 часов, после двухчасового перерыва работа возобновлялась, продолжаясь до 24 часов и позже⁷ Подобная практика существовала и на других предприятиях: применялись систематические отмены выходных дней, работа в две смены, удлинение рабочего дня за счет сокращения обеденного перерыва или введения дополнительных рабочих часов. Несмотря на то, что Совет Министров СССР фактически запретил продление рабочего дня в государственных учреждениях и на предприятиях страны еще в 1953 г., на секретных объектах возможности ненормированного рабочего дня продолжали широко использоваться. Например, работники комбината ЭХП в июне 1954 г. и в июле 1956 г. в течение нескольких недель ежедневно перерабатывали по 5-8 часов⁸ Были факты, когда рабочих не выпускали из цехов до выполнения ими дневного задания⁹

Практика выдачи заводам непланируемых заданий (так называемых «аварийных заказов») вела к тому, что ежемесячно от 43% до 53% выпускаемой продукции приходилось на третью декаду месяца¹⁰ При этом аварийные заказы могли составлять более 20% от общего объема работ,

предусмотренного планом, и на их выполнение отводились минимальные сроки. В результате ежегодно использовалось до 60 тыс. часов сверхурочных работ¹¹. Как показало ретроспективное социологическое исследование населения г. Лесной большинство работников комбината (92 %) принимало участие в сверхурочных работах. Работа сверхурочно, в выходные и праздничные дни вошла в систему на градообразующих предприятиях закрытых городов, применялась даже тогда, когда в ней не было острой необходимости («на всякий случай», как говорили работники Приборостроительного завода¹²).

Как правило, участие в сверхурочных работах было добровольным. Более того, уход с работы сразу после ее окончания считался «признаком дурного тона», поведением, недостойным того доверия, которое оказывает правительство коллективу секретного производства. Нередки были случаи, когда заводчане круглосуточно находились в цехах от нескольких дней до месяца. «Сутками не выходили из производственных помещений, – вспоминает доктор технических наук профессор Ю.Л. Голин, – Спали на канцелярских столах в служебных кабинетах, положив под голову жесткие стопки книг»¹³. В результате физического и психологического истощения некоторых госпитализировали. Таким образом, столь напряженный график работы становился нормой для работающих на основном предприятии.

Условия мобилизационной экономики породили своеобразные черты менталитета работников градообразующих предприятий. Их поведение отличалось установкой на решение производственных задач “любой ценой” и готовностью к риску, то есть психологической предрасположенностью к рискованным действиям, сформировавшейся в результате становления качественно нового производства. В результате опытно-экспериментального характера предприятий при отработке технологических процессов, пуске новых установок работники зачастую не знали, чем завершится испытание, не исключая при этом и собственную гибель. «В случае чего, судить будет некого», – эта фраза предвещала испытание пуска первой партии продукции на УЭХК в 1949 г.¹⁴ Угроза собственной жизни и свободе для работников атомных производств была менее значима, чем выполняемая ими работа. «Конечно, мы не хотели сушить сухари и садиться за решетку, – вспоминает А.М. Петросьянц, – но больше всего нас волновало [...] как мы защитим свою страну от американской атомной бомбы»¹⁵. Подобная установка характерна не только для руководителей атомной отрасли, но и для рядовых работников.

Таким образом, методы мобилизационной экономики в управлении экономическими, производственными и социальными процессами на секретных атомных объектах Урала, были вполне оправданны в условиях внешнеполитической ситуации того времени, и являлись важной состав-

ляющей, способствовавшей производству советского ядерного оружия в максимально сжатые сроки.

¹ Приведены современные названия.

² *Алексеев В.В., Литвинов Б.В.* Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // *Наука и общество: история советского атомного проекта (1940–1950 гг.)*. Вып. 1. М., 1997. С. 292.

³ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 281.

⁴ Группа фондов научно-технической документации производственного объединения «Маяк» (далее – ГФ НТД ПОМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 136.

⁵ ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 «лс». Д. 1. Л. 271.

⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 60.

⁷ Фонды музея истории ПО «Маяк». *Готлиб И.В.* Из воспоминаний // *Воспоминания ветеранов комбината ПО «Маяк»*. Сборник. Челябинск-65. Рукопись. С. 47.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 5. Л. 123; Ф. 5673. Оп. 1. Д. 91. Л. 20.

⁹ ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 41; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 91. Л. 20.

¹⁰ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 5; Оп. 2. Д. 565. Л. 44; Оп. 1. Д. 3. Л. 5; Оп. 2. Д. 565. Л. 44; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 81. Л. 24, 75; Оп. 6. Д. 53. Л. 7; Ф. 5673. Оп. 1. Д. 91. Л. 19.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 7; Оп. 8. Д. 32. Л. 7.

¹² ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

¹³ Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Беседа с д.т.н., проф. Ю.Л. Голиным // *Созидание (дела и люди)*. Сборник. УЭХК. Свердловск-44, 1989. С. 84.

¹⁴ Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. *Коргуль И.Ф.* Как мы это начинали // *Созидание (дела и люди)*. С. 113.

¹⁵ *Петросьянц А.М.* Дороги жизни, которые выбрали нас. М., 1993. С. 86.

МИКИТЮК В.П. (Екатеринбург)

Уральский винокуренный заводчик Михаил Рожнов

В начале 1860-х гг. в области винокурения и виноторговли произошли крупные изменения: на смену откупам пришла акцизная система, которая у современников ассоциировалась со свободным производством и свободной торговлей продукцией винокуренных и водочных предприятий. Отмена откупов и введение акцизной системы стали причинами значительного прилива капиталов в винокурение и виноторговлю, результатом чего явился повсеместный рост численности винокуренных и водочных предприятий, а также питейных заведений. Отмена откупов и введение акцизной системы существенным образом повлияли на сослов-